

**Уссурийская тайга и коренные народы: прошлое,
настоящее и будущее (история из жизни удэгейцев
Бикина, Хора и Самарги).**

Уссурийская тайга и удэгейцы. Эти два понятия не делимы. На протяжении многих веков уссурийская тайга была родным и единственным домом для всех групп удэгейцев. И как только этот дом подвергся уничтожению, как тут же погибали и коренные народы. За последние 40 лет, когда интенсивно стали вырубаться леса, из 8 этнических групп удэгейцев в настоящее время осталось только 4. Остальные 4 (иманка, намунка, курурмийские и хунгарийские) этнически перестали существовать, так как у них была уничтожена их среда обитания, их дом - часть уссурийской тайги, где они жили. В настоящее время оставшиеся группы удэгейцев подвергаются тем же опасностям, что и их братья: лесопромышленники при помощи международного капитала пытаются получить в рубки леса, где они проживают.

С 1990 года продолжалась борьба бикинских удэгейцев, чтобы отстоять от вырубок верховья своей реки Бикин от российских и южнокорейских бизнесменов, так это повлекло бы за собой необратимые последствия. Дело в том, что река Бикин является горной рекой, и тайга в горах, у истоков, являются аккумулятором воды: в засушливое время она питает реку водой, а при обильных осадках сдерживает воду, не дает разыграться наводнениям. Мы понимаем необходимость извлечения экономической выгоды, прибыли, но не ценой своей жизни, не ценой риска для жизни будущим поколениям. Нам обещали, что в своей деятельности лесопромышленники будут использовать финскую технологию, которая является экологичной, нанося природе минимальный ущерб. Были даже завезены машины с экзотичными для нас названиями «Харвейстеры» и «Форвардеры». Однако то, что мы видим сейчас на тех участках, что они получили в Приморском крае, когда природе наносится очень сильный вред, когда для восстановления потребуется многие и многие годы, мы считаем, что поступили правильно, не дав погубить нашу природу. Я не хочу обвинять ни финскую технологию (я ее не знаю, даже подозреваю, что ее там и не придерживаются), ни технику, - просто мне кажется, что надо подходить к проблеме вырубки не только с позиции извлечения прибыли, но и с позиции: а какие останутся экологические последствия. В России, к сожалению, так мыслить ни чиновники, ни лесорубы пока не научились. И в этом вопросе очень важна роль международной общественности и международного сообщества. Я уже упоминал о нашем понимании получения экономической выгоды, и мы согласились на разработку лесов в нижнем течении Бикина, однако, результат получили тот же: та же варварская вырубка, так называемые лесорубы, берут только ценные породы (например, ясень), оставляя после себя уничтоженную природу. При этом при попустительстве местных властей, а скорее всего при их содействии, у удэгейцев забираются близлежащие места, чтобы сэкономить на расстоянии, а удэгейцам с их маломощной техникой приходится добывать себе лес на строительство домов и на дрова далеко от поселения.

В 1997 году в Хабаровском крае на территории хорских удэгейцев был проведен первый в России аукцион по сдаче в аренду лесов на конкурсной основе в длительное пользование (на 49 лет). Конкурс выиграла малазийская компания «Римбунану». При этом власти заложили в условия конкурса оказание помощи коренным народам. Было выделено 100 тысяч долларов в виде 10 машин, из которых удэгейцам власти выделили только 2, объяснив, что остальные 8 будут выделены другим близлежащим общинам, не принадлежащим коренным народам. Сейчас эта малазийская компания начала работу по приобретению лесов самаргинской группы удэгейцев с тем, чтобы получить выход к морю. И эти их усилия могут увенчаться успехом, так как социально-экономическая ситуация в этом регионе очень сложная: безработица достигла почти 70%, отсутствуют всякие виды коммуникаций. В прошлом были попытки получить эти леса под рубку российских, кубинских, американских компаний, но им это не удалось.

Я уже говорил о том, что с уничтожением лесов погибают и коренные народы, — это аксиома, которая не требует доказательств. Но следует признать, что с исчезновением коренных народов, их уходом, процессы уничтожения лесов также ускоряются. В моем родном Приморском крае леса практически сохранились только там, где проживают коренные народы, где они ведут свое традиционное хозяйство. И именно из-за того, что аборигены сохранили свою тайгу, их земля становится лакомым кусочком для промышленников. Я хотел бы еще раз подчеркнуть, что мы понимаем, что необходимо использовать ресурсы природы, в том числе и лесные, для экономического развития, однако, та часть уссурийской тайги, что осталась в настоящее время нетронутой, она является достоянием всего человечества, такого уголка, где сосредоточено такое обилие биологического разнообразия, на нашей земле найти трудно. В уссурийской тайге встретились юг и север, в этом районе вместе живут эндемики севера и юга, эта территория является практически единственным ареалом проживания амурского тигра, который в силу активной промышленной деятельности белой цивилизации вынужден вместе с удэгейцами уходить все дальше в тайгу. В настоящее время удэгейцами совместно с различными экологическими организациями ведется работа по приданию данной территории статуса Территории Всемирного Мирового Наследия, которая присваивается ЮНЕСКО.

Для решения проблемы сохранения уссурийской тайги, увязывая эту проблему с необходимостью лесных разработок, как мне кажется, необходимо придерживаться следующих мер:

- участие коренных народов в контроле за соблюдением природоохранных мероприятий, направленных на восстановление территорий и лесов,
- участие коренных народов в экологической экспертизе, которая предшествует началам промышленных разработок,
- осуществление экономических проектов (пилотных), направленных на:
  - а) глубокую переработку продуктов леса с целью получения более высокого процента доходов при невысоком уровне лесоразработок
  - б) внедрение экологических технологий добычи леса,
  - в) восстановление лесов.